

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА

(гуманитарные и интеллектуальные итоги 2006 года в России и мире)

социальный дизайн



2006

СОДЕРЖАНИЕ

НОМИНАЦИИ

	стр.2
1. ДИСКУРС ГОДА (Ожидание кануна)	стр.2
2. СОЦИАЛЬНЫЙ ДИЗАЙНЕР ГОДА (Синдзо Абэ)	стр.4
3. СОЦИАЛЬНЫЙ ДИАГНОЗ (Символическое сопротивление интеллигенции)	стр.5
4. ДЕМИФОЛОГИЗАЦИЯ ГОДА (Конец толерантности, закат европейского Постмодерна)	стр.7
5. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРОЕКТ (Глобальная энергетическая реформа)	стр.8
6. СОЦИАЛЬНЫЙ КАТАКЛИЗМ (Усиление радикального ислама)	стр.9
7. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ПЛОЩАДКА (Русскоязычный сектор блогосферы)	стр.10
8. СОЦИАЛЬНАЯ ИННОВАЦИЯ (Объединение Русской церкви)	стр.11
9. ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕНДЕНЦИЯ (Окончание гуманитарной экспансии США)	стр.12
10. ИНФОРМАЦИОННЫЙ ТРЕНД (Ностальгия Запада по двухполярной системе)	стр.13
11. ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЯ (Полная политическая и социальная эмансипация интернета)	стр.15
12. ВИЗУАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА (Рост значения неофициальной символики государств)	стр.16

ЭКСПЕРТНЫЙ СОВЕТ

стр.17

«КСД-Рейтинг» (Рейтинговый центр Корпорации социального дизайна) представляет сводный итог Международной экспертной оценки «Социальный дизайн – 2006» в формате номинаций. Ежегодная оценка проводится Экспертным советом, состоящим из представителей аналитических, научных кругов и СМИ, в целях более глубокого осмысления процессов, происходящих в гуманитарной сфере, а также выявления современных тенденций общественно-политического развития.

© Корпорация социального дизайна, 2007

1. ДИСКУРС ГОДА

Ожидание кануна

В публичном пространстве наиболее четко фиксируется дискурс, который можно связать с неким **ощущением, надеждой на смену эпох, наступление кануна, символического рубежа**. Данный дискурс напрямую связан с ожиданием перемен, как в отношении отдельных государств, так и в масштабе всей цивилизации. Для ряда экспертов на мировоззренческом уровне этот дискурс ассоциируется с окончательным завершением эпохи Просвещения. Для других – проявляется в вопросе: наступит ли переход к информационному обществу и «экономике знаний» или нас ожидает большой откат назад?

В тактическом смысле (исходя из текущей информационной повестки дня) восприятие рубежа связано с завершением достаточно большого электорального цикла: в России вновь поставлен на повестку дня вопрос о преемственности власти и ее передаче после восьмилетнего президентства В.Путина; в США – победа демократов на выборах в Конгресс и взятие политического реванша у находящейся два срока подряд команды Дж.Буша-младшего; 2006 год – последний полный год двенадцатилетней эпохи Ж.Ширака во Франции и десятилетнего периода правления кабинета Т.Блэра в Великобритании.

На теоретическом уровне дискурс ожидания кануна связан с концептуальным разочарованием. На данный момент ресурсы как теории Ф.Фукуямы («конца истории») так и теории С.Хантингтона («столкновения цивилизаций») исчерпаны. Обе теории претендовали на универсализм в описании происходящих событий и обе указывали на приближение символического «Армагеддона». Однако деятельность администрации Дж.Буша-младшего показала, что теория конфликта – это не нечто объективное, а то, что является обоснованием конкретно проводимой политики со стороны конкретных политических сил. Данные теории были привязаны к смене двух последних американских администраций и оказались всего лишь прикладными системами. Они скорее выполнили роль обычных программных теорий для последовательно сменяющихся друг друга политических команд (как версии операционной системы «Windows» для различных поколений процессоров). То есть оказались теориями одноразового использования.

В теоретическом плане канун ожидается тогда, когда все исчерпано. Дискурс кануна, по сути, является синонимом теоретического вакуума. Сейчас у человечества нет теории,

претендующей на универсальный масштаб. С одной стороны, по мнению экспертов, время больших, универсальных теорий прошло, но с другой – продолжает существовать актуальный запрос на их появление в интеллектуальном сообществе.

Как это отражается в политике? Этот дискурс отражает нелинейный характер трансформации политической системы. Так, традиционные социал-демократические партии в 90-е годы делали ставку на дискурсы политических меньшинств («*minorities*»). В итоге это привело к постепенному разрушению традиционной корпоративной структуры многих обществ. Это разрушение воспринималось как благо: предполагалось, что каждая малая группа получит свое «место под солнцем». Но оказалось что с разрушением корпоративной (в том числе классовой) структуры общества эти меньшинства оказались крайне манипулируемы центральной властью. Наступил период, получивший название «постдемократия».

Последним трендом в политике стало возрождение профсоюзных партий, основанных на классических профсоюзах, то есть традиционных социал-демократических партий. Мы наблюдаем столкновение двух моделей социал-демократии: демократий меньшинств – постдемократий (Т.Блэр, С.Руаяль) и возрождение классических социал-демократических партий – корпоративных, антилиберальных (в ФРГ, Голландии). Раньше нельзя было себе представить существование некоммунистических, параллельных, враждебных друг другу социал-демократических партий.

Появление странной двойственности социал-демократических партий и партийных «двойников» указывает в сторону того, что дискурс освобождения, который стоял во главе социального прогресса, к которому принадлежит и дискурс социальных меньшинств, по сути дела, возвращается к своим истокам. Появление социал-демократических партий образца начала XX века говорит о серьезных проблемах в развитии дискурса освобождения.

Если раньше политический спектр можно было прочитывать «без запинки» справа налево, то сейчас ситуация иная. В рамках политической системы появляются политические системы-дублиеры, которые претендуют не просто на оспаривание роли какой-либо из партий, а на принципиально иной континуум выстраивания политических партий. Партии-дублиеры не идут вперед как в плане развития своих доктрин, так и в плане радикализации уже существующих программ (ведь тезис о корпоративном обществе был пройден еще в 50-х годах, но оказался актуальным и для современного общества).

2. СОЦИАЛЬНЫЙ ДИЗАЙНЕР ГОДА

Синдзо Абэ

Новый премьер-министр Японии Синдзо Абэ (*Shinzo Abe*), избранный в сентябре 2006 года, приступил к осуществлению новой стратегии развития государства (начатой предшественником – Дзюньитиро Коидзуми), включая внешнюю и оборонную политику. Знаковым событием декабря 2006 года, **окончательно легализовавшим суверенитет Японии, стало создание министерства обороны (Комитет начальников штабов был создан еще в марте 2006 года) и официальное формирование вооруженных сил**, включая армию и флот, до этого существовавших в виде Сил самообороны и Береговой охраны, соответственно. Данные изменения планируется в ближайшее время внести в антимилиитаристскую конституцию Японии, которые позволят применять вооруженные силы на общих основаниях, включая участие в международных миротворческих операциях.

Премьер-министр Синдзо Абэ объявил о планах создания Совета национальной безопасности по образцу Совета безопасности США. Данный шаг Японии был продиктован реальным возникновением ядерной угрозы со стороны КНДР и ростом политической напряженности в регионе в связи с нуклеаризацией Дальнего Востока. Кроме того, официальный Токио заявил о возможности и праве на создание собственного ядерного оружия. Создание полноценных вооруженных сил Японии согласовано с США и является составной частью японско-американского военного сотрудничества по обеспечению безопасности в тихоокеанском регионе, включая проект создания совместной системы ПРО.

Эти изменения не только меняют военный статус Японии, существовавший с 1945 года, но и **способны привести к пересмотру итогов Второй мировой войны в части решения территориальных проблем в пользу Токио**. Именно поэтому стоит обратить внимание на то, что новая оборонная стратегия Японии реализуется на фоне сохранения территориальных и иных споров с соседними государствами (с Россией, Китаем и Северной Кореей). Косвенный признак стремления Японии во чтобы то ни стало выиграть территориальный спор – последовательный реваншистский подход японского правительства к весьма прозрачному (в плане реализации) вопросу о так называемых «северных территориях». Этот спор ведется в ущерб реальному сотрудничеству с Россией в той же энергетической сфере. На фоне стремительного роста влияния Китая в регионе выжидательная позиция Японии в отношении России выглядит как крупный экономический просчет, упущенная выгода.

3. СОЦИАЛЬНЫЙ ДИАГНОЗ

Символическое сопротивление интеллигенции

2006 год, как предвыборный для России год, показал, что **интеллигенция, особенно в лице своих публичных представителей, будет противодействовать попыткам власти сформировать четкий политический дискурс**, объявляя его «стилистически фальшивым», «казенным», «симулятивным» и т.д., – отменяя саму его необходимость.

Для этого есть причины, берущие начало в самой структуре функционирования интеллигенции. Многие исследователи русской интеллигенции (являющиеся одновременно ее представителями), замечали, что она склонна к анархо-синдикализму. Дело даже не в том, что интеллигенция выбирает в качестве своего политического «крёдо» наиболее аполитическое учение. Более важно то, что этот анархо-синдикализм в его практике радикально отличается от своего западного аналога. Он принимается не как программа построения определенного общества, пусть и на локальном уровне (в виде коммун, фаланг и т.п.), а в качестве идеала, к которому бессмысленно стремиться – он помечает истинное социальное устройство, которое невозможно именно потому, что это устройство предполагает распад всех социальных связей и отношений. Ведь такие отношения в русском анархо-синдикализме интерпретируются в качестве отношений произвольной, абсолютно случайной силы, равнозначной вторичному, эмпирическому дискурсу, имеющему место здесь и сейчас, но не имеющему никакого институционального значения. Анархо-синдикализм здесь – это не политическая позиция, а именно обозначение общего политического желания мира без политики.

В условиях дублирования власти и интеллигенции сама концепция «реформы» как политически обоснованного и концептуально оформленного социального движения теряет свой смысл. **Поскольку реформы не проходят этапа политического конструирования и обсуждения, что только и определяет их статус, они остаются внедискурсивными явлениями.** То есть они существуют или как непредсказуемый волюнтаризм реформ (начало 1990-х годов), или как полный отказ от них в форме «застоя», когда реформа вытесняется давлением политико-пророческого языка чересчур большой мощности и общности. Разрыв между публичным полем и любой реформой (и просто значимым политическим или социальным актом) обнаруживается в том, что любое обсуждение истолковывается как знак того, что предмет обсуждения неминуемо будет или потерян, или использован в совершенно посторонних целях.

Как следствие, **единственной рабочей формой социальных институтов до сих пор**

остается коррупция, поскольку она способна функционировать и в предельно раскодированном социальном пространстве. В противоположность официальной версии, транслируемой СМИ, коррупция является типом поведения, который не определен только лишь насильственным его внедрением или «силой беззакония». Напротив, именно «качественное» исполнение закона оказывается в такой ситуации силовой репрессией, не нужной ни власти, ни ее клиентам. Коррупция удовлетворяет обе стороны коррупционной сделки, иначе бы ее просто не было, однако условием для такого удовлетворения является не абстрактный экономический расчет, а устранение дискурсивного горизонта из политики и социальной жизни.

Коррупцированная власть – это в определенном смысле способ самоидентификации интеллигенции, то есть та власть, которая поддерживает эту идентификацию интеллигенции. Не известно, возможна ли трансформация этого структурного единства и переопределение социальных и культурных практик интеллигенции.

4. ДЕМИФОЛОГИЗАЦИЯ ГОДА

Конец толерантности, закат европейского Постмодерна

Такие знаковые события 2006 года, как карикатурный скандал, конфликт вокруг речи Папы Бенедикта XVI в Регенсбурге, преследование французского философа Робера Редекера, опубликовавшего критическую по отношению к исламу колонку в «*Figaro*», говорят о том, что **к завершению пришла не столько эпоха толерантности, сколько определенная ее трактовка.**

Исходная (просвещенческая) модель толерантности предполагала поиск универсальных естественных оснований нравственности, религии и общественного устройства. Однако **для современного европейца толерантность стала репрессивным механизмом, призванным отстаивать права меньшинств**, постоянно воспроизводить жест сохранения аутентичных культур, испытывающих давление колониальной или капиталистической политики.

Сейчас Европа пытается представить сами основания толерантности в качестве своего аутентичного содержания, то есть освободить толерантность от ее инструментального характера. В этом движении против отчужденной и инструментализированной толерантности приравниваются такие достижения, как свобода слова и выражения, светский характер государства, католическая церковь и университет, свободный от непосредственного давления законов рынка и политических требований государства. В весьма непростых условиях Европа стремится наметить линию своего собственного «возрождения», обращаясь к своим базовым социальным смыслам и пытаясь освободить их от искажений.

С концом инструментальной толерантности к концу приходит и эпоха европейского Постмодерна, начавшаяся в 40-50-е годы XX века и, во многом, основанная на толерантности ко всему культурно и религиозно чуждому, пацифизме и отрицании европейского национализма, что в итоге привело к угрозе потери странами Западной Европы собственной идентичности. Кризис идентичности проявился, в частности, в дебатах вокруг Конституции ЕС. Также яркой иллюстрацией является абсурдная инициатива в ряде стран Запада (США и Великобритании) о запрете использования христианской символики в период празднования Рождества, которая якобы способна оскорбить чувства лиц, исповедующих другие религии. Сегодня Европа пытается вновь «найти и обрести себя»; медленно, но четко возвращается к своим собственным ценностным ориентирам, одним из которых является национализм и монокультурализм.

5. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРОЕКТ

Глобальная энергетическая реформа

В 2006 году при лидирующей роли России, председательствовавшей тогда в «Группе восьми», *началась глобальная трансформация правил игры на мировых энергетических рынках, которая со временем может привести к потере Западом и западными корпорациями политического контроля над мировой энергетикой* и, в свою очередь, некоторым падением западных позиций в мировой экономике в целом. Баланс влияния и принятия решений в энергетике не сильно, но заметно сместился от потребителей к производителям энергоресурсов.

Это проявилось, в частности, в признании «Группой восьми» того, что *энергетическая безопасность должна пониматься не только как безопасность и обеспечение интересов потребителей энергоресурсов, но и как безопасность и обеспечение интересов их производителей*. Кроме того, важными свидетельствами постепенного изменения правил игры в мировой энергетике являются: провал попыток Европейского Союза поставить импорт энергоресурсов из России и бывшего СССР в целом под свой косвенный контроль; ослабление позиций западных энергетических корпораций в разработке российских энергетических месторождений; провал попыток США и ЕС интернационализировать энергетические ресурсы российской Сибири. Данный процесс начался еще в 2005 году с разработки законодательства, ограничивающего допуск иностранных компаний в стратегические отрасли промышленности, а также с затруднением, создаваемым зарубежным инвесторам в части получения допуска к крупным углеводородным месторождениям (Штокманское и Ковыктинское месторождения, Сахалин-2 и др.).

Сегодня право государства на недра на своей территории не ставится под сомнение, более того, оно является одной из основ современной системы энергоресурсных отношений, базирующихся в том числе на незыблемом праве собственности. В тоже время нельзя исключить, что страны Запада, обладая технологическим и военным преимуществом, *способны выдвинуть концепции, согласно которым природные ресурсы де-факто будут рассматриваться как общемировое достояние*. Среди аргументов могут быть выдвинуты требования охраны окружающей среды, «справедливого» обеспечения доступа к ресурсам, выравнивания энергетического баланса между странами. Значение энергоресурсов, наблюдаемое в настоящее время, еще больше увеличится в будущем, что может повлиять на кардинальное изменение энергетической карты мира. Поэтому *реформа направлена как раз на то, чтобы интернационализация природных ресурсов никогда не была реализована*.

6. СОЦИАЛЬНЫЙ КАТАКЛИЗМ

Усиление радикального ислама

В 2006 году произошло *существенное усиление радикальных исламистов во многих странах Расширенного (Большого) Ближнего Востока, что со временем может угрожать не только международной стабильности и безопасности в этом регионе (и в мире в целом), но самой государственности стран региона* в современном понимании понятия «государства». Возникла угроза прихода исламистов к власти сразу в нескольких ближневосточных странах, что будет иметь для региона и международной безопасности катастрофические последствия.

Главными проявлениями усиления исламистов являются: расширение в 2006 году масштабов гражданской войны в Ираке, по всей видимости, исключающей возможность создания на территории этой страны относительно устойчивого единого и светского государства в прежних границах; политическая победа, одержанная радикальным исламистским движением «Хезболла» над Израилем в августе 2006 года и фактическое замещение «Хезболлой» многих функций государства в Ливане, «вытеснение» им светского государства как такового; начало гражданской войны в Палестинской автономии, победа в которой уже де-факто принадлежит радикальной партии ХАМАС, однако в некоторой степени сдерживается международным давлением.

7. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ПЛОЩАДКА

Русскоязычный сектор блогосферы

В качестве интеллектуальной площадки года можно выделить **русскоязычный сектор блогосферы с развитым модулем интернет-сообществ** (среди которых выделяется популярный в России блоггерский сервис «[Живой Журнал](#)»). Здесь зарождаются интересные креативные идеи, формируются важные социальные инициативы, а также происходят яркие культурные перформансы.

Существенным отличием российских интернет-форумов от аналогичных зарубежных является формат интернет-активности интеллектуалов. Если на Западе получила распространение модель блога интеллектуала в режиме «*stand alone blog*», ведения интернет-дневника, расположенного на отдельном хостинге, под отдельным доменом, с отдельным «движком», без развитых социальных связей и модуля сообщества (не случайно журнал «*Time*» выбрал Человеком года интернет-пользователя). То **в России основной площадкой интернет-общения интеллектуалов стали именно интернет-сообщества, открытые для неограниченного количества обычных пользователей.**

Наблюдается интересный феномен: **российская интеллектуальная элита фактически начала вести прямой диалог с населением страны.** Минусом такого процесса является достаточно низкое качество общения, так как для продуктивной дискуссии необходима определенная закрытость сообществ. Положительная же сторона заключается в уникальности, по сути, в экспериментальном характере данной ситуации для истории интернета. Так, наиболее перспективные российские политики и бизнесмены активно используют общение с простыми пользователями интернета для развития своих проектов.

В настоящее время трудно сказать, что может последовать из подобного нового типа общения. С одной стороны, это может оказаться пустой тратой времени и своеобразным «метанием бисера», а с другой – **может открыть новые пласты социального взаимодействия**, включая рост доверия к интернету среди широких слоев общества.

8. СОЦИАЛЬНАЯ ИННОВАЦИЯ

Объединение Русской церкви

Объединение Русской церкви создает основания для превращения РПЦ в единственный российский социальный институт, пользующийся доверием. Это особенно значимо в той ситуации, когда ни официальная власть, ни оппозиция, ни электоральный процесс как таковой не могут гарантировать сохранения неустойчивого общественного консенсуса.

РПЦ может перейти от позиции лояльной поддержки власти к более активному формулированию своих интересов и влиянию на политический процесс. ***Ее роль, несомненно, усилится в случае негативного сценария – краха существующей властной системы и прихода к власти той или иной оппозиции,*** которая заведомо будет вынуждена обращаться к РПЦ как к единственной институции, легитимной в глазах населения.

Усиление апелляции к православию в государственной риторике в 2006 году объективно служит усилению позиций Церкви, которая получает возможность дистанцироваться от своей служебной роли второстепенного легитиматора власти.

9. ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕНДЕНЦИЯ

Окончание гуманитарной экспансии США

Победа на выборах в Конгресс США демократов обозначила **окончательный провал американского неоконсервативного проекта о создании нового глобального мирового порядка, состоящего исключительно из демократических государств и основанного на либеральной экономике и открытых рынках**. Этот проект, реализация которого пришла в наиболее активную фазу после событий 11 сентября 2001 года, был наиболее масштабной попыткой распространения западной социально-экономической и политической модели развития на все остальное человечество после ликвидации колониальной системы во второй половине XX века.

В идеологической основе данного проекта лежала гипотеза о том, что всемирная история линейна, и что существует единственно правильная универсальная модель исторического развития, конечным пунктом которого является создание современной демократии по западному образцу, и что западные (американские) ценности (в первую очередь, политической свободы и свободы предпринимательства) универсальны и, по крайней мере латентно, существуют в каждой культуре и цивилизации. Соответственно, приверженцы неконсервативной идеологии, богато представленные в окружении республиканской администрации Дж. Буша, предлагали использовать «момент однополярности» и временное колоссальное силовое преобладание США для быстрой реформы всей международной системы.

Эта попытка потерпела крах уже в Ираке, поражение же республиканцев на выборах 2006 года подвело окончательную черту под влиянием неконсервативной идеологии. Маргинализация ее приверженцев, а также начавшееся политическое ослабление США в мировой политике свидетельствуют о том, что **в обозримой перспективе новых попыток распространить западную модель развития на незападные страны и регионы не будет**. Подъем же новых западных сверхдержав – Китая и Индии – может означать, что подобных попыток больше не будет вовсе, и западное мессианство, основанное прежде всего на успешности его модели развития и военной силе западных стран, пойдет на спад.

10. ИНФОРМАЦИОННЫЙ ТРЕНД

Ностальгия Запада по двухполярной системе

Анализ широкомасштабной информационной кампании против России в западных СМИ свидетельствует в целом о повышении интереса к России. В частности, смерть находящегося под британской защитой экс-сотрудника ФСБ России А.Литвиненко спровоцировала мощную антироссийскую кампанию и колоссальный информационный шум. На фоне «полониевой лихорадки» (основанной на домыслах и интерпретациях прессы) в западных СМИ произошла новая демонизация России, выставляющая ее в качестве страны, откатывающейся на антидемократические позиции, а также источника нестабильности и даже ядерной угрозы.

Почему журналисты в угоду общественному мнению описывают Россию как рассадник всех мыслимых и немыслимых негативных явлений? Почему происходит продление жизни старых антисоветских/русофобских стереотипов?

По мнению экспертов, сознательное использование старых стереотипов противоречит самому духу и смыслу стереотипа в качестве социального бессознательного: стереотипы не должны критически отрываться от реальности. Используемые же стереотипы периода «холодной войны» не только не отвечают современной российской реальности, а являются неким социальным псевдонимом-карикатурой. Это скорее психолого-политические римейки, реанимированные мертвые фантомы-клише для удовлетворения определенного массового, обывательского эстетического запроса на заполнение вакуума, образовавшегося на месте бывшего образа СССР. Потому, например, хитом в Европе стал лубочный ролик на песню «*Take Me Back To Your House*» («Забери меня в свой дом обратно») группы «*Basement Jaxx*», в котором собраны все яркие обывательские западные стереотипы.

Использование подобных стереотипов, в первую очередь, свидетельствует о мощной ностальгической волне на Западе по советскому блоку. Фактически это ностальгия Запада по двухполярной системе. Дело в том, что, по большому счету, Западная Европа и психологически, и материально успела устать от бывшего Восточного блока, ставшего неприятной обузой. В Большой Европе скорее всего появилось подсознательное желание того, чтобы Россия

забрала и снова щедро окормляла старый «совхоз» многочисленных «братских стран». Но так как в реальности сделать уже ничего нельзя, то возникают подобные ностальгические эксцессы, переходящие в публичные приступы злости и коллективного бреда.

По прошествии пятнадцати лет после краха СССР и советского блока, **Запад осознал гигантскую потерю – он лишился своего главного, идеального геополитического спарринг-партнера. Это место сегодня не может быть занято кем-либо еще: ни Россией, ни растущим Китаем.** Китай для Запада не олицетворяет собой врага, который в общественном сознании воспринимался бы как сверхдержава с неотъемлемым «джентльменским набором»: от обладания технологиями «нулевого цикла», до полета первого человека в космос. Китай воспринимается только лишь как очень развитая в плане экономики держава, хоть и подающая огромные надежды.

Поэтому, это скорее ностальгическая атака, а не реальная – признак бессилия и панического страха перед неопределенностью кануна, а не проявление осознанной воли. Во всяком случае, это не проблема России (несмотря на ряд имиджевых издержек), а только Большой Европы. Кроме того, не стоит переоценивать влияние информационного давления на Россию – все проблемы России внутри нее самой. Россия всегда будет восприниматься Европой не как партнер, а как придаток. В такой диспозиции важно понять главное: ни Россия не нужна Европе (ведь Россия не спешит решать проблемы Африки, экологии и прочие пункты европейской повестки дня), ни Европа не нужна России (вся «мировая кухня» сосредотачивается в тихоокеанском регионе). **Россия должна решать другие проблемы, отрабатывать свою собственную повестку дня.** Поэтому единственной формой контактов в отношении Большой Европы должны стать ни к чему не обязывающие реверансы.

11. ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЯ

Полная политическая и социальная эмансипация интернета

Главной мировой интернет-тенденцией в 2006 году стала **окончательная эмансипация виртуального сетевого пространства**. Интернет совершил тот рывок, во многом оставшийся незамеченным, который от него очень долго ждали. **Интернет стал по-настоящему составной частью политической жизни общества**. В 2006 году впервые события, происходящие внутри интернет-сообщества стали рассматриваться наряду с «обычными» политическими событиями.

Данный тренд имеет ключевые этапы. В начале своего создания интернет был абсолютно виртуальным местом. На втором этапе интернет просто копировал существующую социальную, экономическую и политическую структуры. На третьем этапе, который наступает сейчас, **новые структуры создаются уже наподобие интернета и вырастают из интернета**. Более наглядно это будет видно на ближайших выборах президента США. По всем прогнозам, интернет обгонит телевидение и печатные СМИ в качестве основного источника предвыборной информации. В политическом плане интернет становится самостоятельным и качественным «*new media*».

Вместе с тем, в ближайшее время не приходится ожидать реализации нового формата голосования через интернет, так как **пока еще не решен главный вопрос Интернета – соотношение между безопасностью и свободой**. Более того, подобная система может быть реализована только в условиях тоталитарного общества и потому такого рода политическое влияние не должно быть допущено вообще. Когда в стране появится возможность голосовать по интернету, в этот же момент станет возможным осуществление контроля над гражданами страны, наступит символический приход «Большого Брата» (по антиутопии Дж.Оруэлла).

Главной российской тенденцией года стала экономизация интернета. Естественно параллельно с политическим влиянием в интернет пошли «большие деньги» и экономическое влияние. Судя по всему 2006 год стал началом нового интернет-бума, который ожидает нас в ближайшее время. Это же подтверждает и рост объема интернет-рекламы. Россия догнала остальной мир: **в интернет пришел простой человек, массовые модели политики и рекламы. Интернет перестал быть элитарным**.

12. ВИЗУАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Рост значения неофициальной символики государств

Важным событием 2006 года стало рассмотрение «концепции развития дизайна в Российской Федерации до 2008 года», и особенно инициативы по созданию знака рубля, которая обозначает *положительную динамику в развитии современных государственных коммуникаций и чрезвычайно важна для формирования государственного дискурса*. Практически впервые в новейшей истории России предлагается не редизайн или реконструкция старых символов, а создание нового знака, ранее не используемого ни в денежном обращении, ни в государственной символике.

Знак рубля и его обновленный дизайн, который служил бы своеобразным визуальным маркером его конвертируемости, могут стать *первыми элементами нового визуального фирменного стиля России*. Сам факт возникновения подобных инициатив, если они действительно будут реализованы, свидетельствует о *наступлении переломного этапа для развития визуальных коммуникаций России и ее визуальной и знаковой идентичности*.

Впрочем, фирменный стиль, как функциональный инструмент современной экономики и политики еще встречает непонимание (включая *слабое осознание с их стороны прямой экономической выгоды, например, для завоевания новых рынков сбыта отечественной продукции*) и недоверие со стороны политических и управленческих элит, придерживающихся традиционных риторических и геральдических практик. Реализация указанных инициатив находится под угрозой.

В тоже время в Европе, визуальный стиль и новая символика уже активно реализуются как в отдельных странах (например, знак Чехии) так и на уровне Евросоюза в целом. Важным событием в контексте европейской визуальной политики стало создание логотипа ЕС, на основе конкурса, выигранного польским студентом Шымоном Скшыпчаком (Szymon Skrzypczak). Данный логотип дополняет, хотя и не пересекается с официальной символикой и геральдикой ЕС. Его главным смысловым посланием стал девиз «[Together since 1957](#)» («Вместе с 1957 года»), составленный из разных шрифтов (включает локальные версии для всех алфавитов государств, входящих в ЕС), который иллюстрирует единство различных культур и народов, объединенных в единое политическое, экономическое, смысловое и знаковое пространство.

ЭКСПЕРТНЫЙ СОВЕТ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОЦЕНКИ «СОЦИАЛЬНЫЙ ДИЗАЙН – 2006»

РЕДАКЦИОННАЯ ГРУППА

1. БЛИНОВ Алексей Сергеевич, кандидат юридических наук, магистр политической науки, Председатель Совета Корпорации социального дизайна;
2. КРАЛЕЧКИН Дмитрий Юрьевич, кандидат философских наук, председатель Научного совета Корпорации социального дизайна, руководитель проекта «Censura.ru» и программы публикаций;
3. ПИЛЬКО Алексей Васильевич, кандидат исторических наук, руководитель Рейтингового центра Корпорации социального дизайна, сотрудник кафедры новой и новейшей истории МГУ им.М.В.Ломоносова;
4. УШАКОВ Андрей Сергеевич, кандидат философских наук, Научный руководитель Корпорации социального дизайна.

ЧЛЕНЫ ЭКСПЕРТНОГО СОВЕТА

5. ДАНИЛОВ Вячеслав Николаевич, кандидат философских наук, преподаватель Российского университета дружбы народов, координатор и научный редактор проекта КСД «Censura.ru»;
6. ЛИСЕНКОВА Алина Валерьевна, политический аналитик, руководитель Аналитического отдела ОАО «Общественные коммуникации»
7. НИКОНОВ Алексей Вячеславович, советник президента Фонда «Политика», член Совета Корпорации социального дизайна;
8. ПЕСКОВ Дмитрий Николаевич, директор Центра интернет-политики, заместитель проректора МГИМО-У МИД России по научной работе;
9. ПИЛЬКО Надежда Сергеевна, кандидат исторических наук, специалист Отдела истории народов периода мировых войн Института славяноведения Российской академии наук;
10. РОДЬКИН Павел Евгеньевич, графический дизайнер, эксперт в области визуальных коммуникаций, руководитель проекта «Образцовая среда» Корпорации социального дизайна, аспирант МГХПУ им.С.Г.Строганова;
11. САВИН Евгений Викторович, руководитель Интернет службы ИД «Аргументы и Факты», член Совета Корпорации социального дизайна;
12. СУСЛОВ Дмитрий Вячеславович, заместитель директора по исследованиям Совета по внешней и оборонной политике, руководитель Аналитического центра Корпорации социального дизайна;
13. СТРЕМИДЛОВСКИЙ Станислав Михайлович, ведущий рубрики «Общество» еженедельника «Российские вести», член Совета Корпорации социального дизайна;
14. СУХИЙ Иван Георгиевич, контент-директор компании «Agvir.com».

КОРПОРАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ДИЗАЙНА

Россия, 129090, г.Москва, проспект Мира, д. 36, стр.1;
тел.: + 7-926-207-13-30, e-mail: office@socialdesign.ru, www.socialdesign.ru

«КСД-Рейтинг» (Рейтинговый центр Корпорации социального дизайна) представляет сводный итог Международной экспертной оценки «Социальный дизайн – 2006» в формате номинаций. Ежегодная оценка проводится Экспертным советом, состоящим из представителей аналитических, научных кругов и СМИ, в целях более глубокого осмысления процессов, происходящих в гуманитарной сфере, а также выявления современных тенденций общественно-политического развития.

© Корпорация социального дизайна, 2007